

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

Субкультуры: культурно-психологические трансформации современности в свете методологии латентных изменений*

М. С. Гусельцева

Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9, стр. 4

Для цитирования: *Гусельцева М. С. Субкультуры: культурно-психологические трансформации современности в свете методологии латентных изменений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 229–242. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.301>*

Представление о субкультурах возникло в связи с осмыслением неоднородности общества и необходимостью дифференциации жизненных стилей в пределах определенной культуры. Тем самым оно отражало тенденции усложнения, индивидуализации, разнообразия образов жизни человека. На протяжении XX века фокусы внимания исследователей смещались от теорий культуры к субкультурам; от феноменологии субкультур к изучению неформальных движений, «городских племен», малых культуральных традиций, наконец, к трансформации ценностей. Сегодня на переднем плане анализа оказались проблемы мобильности и множественности идентичности, которые развиваются в текучей и транзитивной социокультурной среде. Все это потребовало иного концептуального языка и поиска новых методологических стратегий. Понятие «субкультура» нередко критикуется и как аналитический конструкт, и как исчезающая реальность в связи с распространением глобализации, смешиванием традиций, ценностей и разных стилей жизни, а изучение идентичности все чаще происходит в рамках трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов. Новый взгляд на трансформации современности развивает методология латентных изменений, учитывающая лабильность, антиномичность и неоднозначность феноменов идентичности и субкультуры. Изменяются формы и способы организации субкультур в наши дни. Субкультуры могут быть представлены в социальном пространстве малыми вкрапле-

* Статья подготовлена на основе выступления на международной конференции «Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития», 22–23.04.2019 г. (РГГУ). Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-06-00077-ОГН/18 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

ниями, они дисперсны, рассредоточены, виртуальны и потому незаметны наблюдателю, неочевидны, с трудом опознаваемы.

Ключевые слова: методология, психология современности, субкультура, идентичность, социокультурные движения, латентные изменения, трансдисциплинарность.

Введение

Цель статьи — рассмотреть меняющееся представление о субкультурах, их современные трансформации, а также новые методологические стратегии, позволяющие изучать лабильные, противоречивые, неочевидные и неустойчивые структуры и процессы.

Субкультура — относительно недавнее понятие. Оно появилось лишь во второй половине XX века. На феномен обратили внимание два автора. Первый из них — Д. Рисман — в книге «Одинокая толпа» (1950) исследовал процессы модернизации американской культуры при переходе от индустриального общества к обществу потребления. Он предположил, что если общество структурно дифференцировано на подгруппы (*social societies*), то культура — на своего рода подкультуры. Так появляются субкультуры, которые отгораживаются от внешнего мира, образуя сообщества, сплавляемые собственными нормами и ценностями [1]. Второй автор — Д. Хэбдидж — обратился к проблеме рождения стиля как системообразующего основания субкультур, к изменению стилей жизни в том или ином обществе, к появлению разнообразных поведенческих моделей. Он исследовал феномены стигматизации субкультур, линии напряженности в отношениях между господствующими и подчиненными группами, зазоры для творчества новых смыслов [2].

Таким образом, представление о субкультуре возникло из идеи разнообразия и сложности культуры, необходимости ее внутренней дифференциации. Оно появилось, когда в потоке культуры как таковой ученые стали различать и изучать самозарождение отдельных социальных групп с собственными ценностями и образом жизни. Одновременно это означало и конец традиционного общества с его нормативностью, универсальностью и внешней заданностью моделей поведения при социализации подрастающих поколений.

Отсюда берет начало сразу несколько исследовательских проблем. Во-первых, это возрастающее в наши дни разнообразие жизненных стилей и феноменов идентичности, уже не охватывающих представление о субкультуре, вследствие чего возникает проблема несоответствия научного языка той феноменальной реальности, которая ускользает из поля его видения и действия. Во-вторых, это собственно проблема самозарождения феноменов культуры и процессов самоорганизации жизни — понимания того, как возникают новизна, инновации и каким образом эти вещи исследовать. Иными словами, как замечать и описывать новые феномены? Как исследовать ускользающее, потенциальное и неочевидное бытие?

Уникальность современной познавательной ситуации заключена в том, что исследователи обречены на бремя свободы и творчества инструментария [3]. Так, например, трансдисциплинарный подход есть своего рода зонтик, который собирает под ситуативную задачу разные аналитические стратегии, а целью исследователя становится стремление найти именно ту конфигурацию методов, которая позволит достичь оптимального результата в его вполне конкретном исследовании.

В этом познавательном контексте методология латентных изменений является трансдисциплинарной стратегией, которая нацелена на выявление ценностных трансформаций, мотивационных сдвигов, скрытых течений и малозаметных движений в динамике современного общества. На языке житейского опыта кредо методологии латентных изменений может быть сформулировано так: *всё не то, чем кажется*, а неочевидное нередко является более значимым и действенным, нежели то, что попадает в фокусы внимания [4].

Методология латентных изменений: новый подход

Методология латентных изменений охватывает процессы как сосредоточенные в глубинах культуры, так и рассеянные в локальном разнообразии современной жизни. Она прослеживает расхождение деклараций и повседневных жизненных практик; выявляет пунктирные линии социальных конфликтов; устанавливает табуированные области и лакуны; анализирует когнитивные искажения и неявные предпосылки самих исследователей [5]. Ведущий принцип методологии латентности относится к транзитивности современного мира: *всё изменится, а изменения чаще всего неожиданны*. Так, маргинальные движения в исторической перспективе имеют высокие шансы сделаться магистральными, а магистральные в конце концов рассеиваются и уходят в небытие. Другой принцип касается антиномичности и сложности как имплицитной основы бытия и смешанности разных традиций в эволюции культуры. Таким образом, при изучении идентичности в современном мире важно учитывать комплексную динамику и разнообразие меняющихся социокультурных контекстов, что делает представление о субкультуре гораздо менее точным аналитическим инструментом. Ведь ситуативные смещения и смешивания, лабильность и противоречивость разных тенденций становятся факторами, затрудняющими изучение современности. В свою очередь, ценностная неоднородность общества ведет тому, что консервативные и прогрессивные тренды, магистральные и маргинальные течения культуры весьма избирательно попадают в аналитическое поле. Следует также учитывать, что сильнее выраженные социокультурные тенденции, популярные и доминирующие дискурсы способны затмить в глазах наблюдателя латентные и неочевидные движения.

Методология латентных изменений ориентируется на новые подходы, связанные прежде всего с критикой универсализма. Так, если в XX веке изучали «общество», «культуру», «личность», то в XXI веке оказалось, что эти понятия должны быть проблематизированы: *нет общества как такового, а есть разные сообщества*. В наиболее выраженной форме эти идеи представлены в социологии [6]. В психологии же новые взгляды отражены в понимании того, что ценностные установки людей более противоречивы и изменчивы, нежели это представлялось ранее. С методологических позиций новую исследовательскую парадигму следует определить как *движение от модели стабильного общества к транзитивному*; от относительно гомогенной среды, где действует представление о норме, к культуральному разнообразию стилей жизни и меняющихся возрастных норм; *от универсальных схем и периодизаций к открытости опыта и наблюдению изменений практически в режиме онлайн*.

Новая исследовательская оптика обнаруживает, что, например, между учеными из разных регионов мира общего больше, чем среди жителей одного мегаполи-

са, а образованные москвичи и парижане в стилистике жизни ближе, нежели представители мегаполисов и традиционных поселений в пределах одной страны [6]. Однако дальнейших изысканий требует вопрос: заключается ли здесь дело в глобализации, стирающей различия между наиболее мобильными и продвинутыми обществами, или же прежняя исследовательская оптика попросту не фиксировала текущие процессы; выделяла преимущественно макроаналитические, а не микроаналитические тенденции; фокусировалась на культурном сходстве, но не на различиях в территориальной идентичности жителей одного региона?

Таким образом, на рубеже XX–XXI веков возникла критика представлений о культуре как универсалии. Ученые стали понимать, что в качестве аналитического инструмента «культура» — слишком широкое понятие, упускающее из вида региональное разнообразие и тонкие культуральные различия в пределах одного социума. Однако пришедшие на смену единству культуры текучие и рассеянные трансформации современности ускользают от наблюдателя. Ведь современники с трудом фиксируют перемены, свидетелями и очевидцами которых они являются. Методология же латентных изменений помогает здесь настроить исследовательскую оптику таким образом, чтобы фиксировать скрытые и малозаметные движения.

Шансы их обнаружить повышаются при смене и наложении различных перспектив, а также осознанной ревизии того, что считается очевидным или привычным, ибо *привычное становится незаметным, а очевидное скрывает невероятное*. «Я много раз убеждался, что в любую самую изученную область, где, казалось бы, не протолкнешься, достаточно просунуть руку, чтобы поднять с полу что-нибудь никем не замеченное, хотя и лежащее на виду» [7, с. 19]. Таким образом, умение нюансированно наблюдать есть практика методологии латентных изменений.

Обратимся к конкретным примерам, позволяющим отслеживать неочевидные трансформации идентичности и субкультуры в современной реальности. Подчеркнем, что в этом контексте трансдисциплинарный подход создает необходимые объемность, многомерность анализа современных феноменов идентичности и субкультуры, творчески используя данные разных наук — от антропологии до физики.

Проблема рождения новизны

В качестве продуктивной эпистемологической стратегии обратим внимание на модель Дж.Паджета и У.Пауэлла, предложивших новый подход на основе множественного сетевого анализа. Модель Дж.Паджета и У.Пауэлла объединяет методологические стратегии эволюционной биологии, истории и социальных наук. Для психологии же здесь значимо, что в центре ее внимания оказывается проблема взаимного порождения субъектов и субкультуры: так, авторы показывают, что *если в краткосрочной перспективе субъекты (акторы) создают отношения, то в долгосрочной перспективе отношения творят субъектов (актеров)* [8].

В 2012 году вышла совместная работа Дж.Паджета и У.Пауэлла, где обсуждалась проблема эмерджентности — порождения нового как такового: как возникают новые идеи, новые люди, новые организации, социальные структуры и т.п. Ученые выделили два основных механизма возникновения новизны. Первый из них — *транспозиция*, то есть перенос определенного содержания и его самораскрытие

в новом контексте. Такой перенос, как правило, сопровождается *рефункционализацией*: в новом контексте старые поведенческие паттерны создают новые функции. Это идеи, встречавшиеся в биологии, но в данном случае осмысленные методологически. Второй механизм — рождение нового во взаимодействии и сочетании множества социальных сетей. Сетевые конфигурации сами по себе становятся *катализаторами* непредвиденных изменений. За этой идеей узнаваем химический стиль мышления [9].

Таким образом, с одной стороны, концепция незамысловата, ведь в той или иной степени ее отдельные идеи представлены в истории науки (в биологии, химии, социологии), но, с другой стороны, здесь они концептуализированы в методологический подход, который применяется для анализа и социокультурных движений. Так, работу своей модели авторы демонстрируют на конкретных исторических примерах: появление новых культурных практик в средневековой Флоренции — как раз показательный пример рождения новой субкультуры. Также они анализируют возникновение фондового рынка в Нидерландах эпохи модерна и строительство нации в Германии XIX века [8].

Из трансдисциплинарной методологии в целом и сетевой модели в частности проистекает ряд полезных следствий. Обозначим лишь некоторые из них.

Глобальные проблемы культурального обмена и заимствования культурного опыта оборачиваются вполне конкретными вопросами, например о незавершенности российских модернизаций. Ответ же на этот вопрос содержится как раз в понимании работы механизма, где идеи или поведенческие схемы переносятся из одного институционального контекста в другой и при этом неизбежно искажаются. Отметим, что у такого рода искажений есть как негативные, так и позитивные эффекты. Культурные заимствования приобретают новое функциональное значение и в дальнейшем способны послужить катализатором преобразований сначала в локальном пространстве (рождение субкультуры), а затем и культуры в целом (социокультурная модернизация).

Таким образом, первым следствием является применимость описанной выше сетевой модели для постижения механизмов культурального обмена, в частности, ответа на пресловутый вопрос «Почему Россия не Финляндия?» [10], то есть диагностики причин хронического неуспеха российских модернизаций. В качестве же так называемого сухого остатка этой методологической стратегии важно отметить, что анализ процессов современности более продуктивен с позиции понимания культуры (общества, страны, государства, сообщества, социальной группы) не как системы, а как подвижной и зачастую неустойчивой сети разнообразных отношений.

В этой логике, усиленной также разработками М. Манна (одного из современных последователей М. Вебера), мы можем наблюдать, каким образом латентные изменения *зарождаются в зазорах и щелях предшествующих социальных структур* [11].

На примере современного высокотехнологичного капитализма в новом историческом контексте (когда появились феномены транснациональности и глобализации) подход М. Манна сначала обнаруживает взаимосвязанное пространство науки, финансовых и торговых сетей, а затем объясняет возникновение биотехнологической промышленности (*biotechnology industry*), появление региональных

кластеров высоких технологий (regional high-tech clusters) и социальных движений, ориентированных на открытые исходные коды (open-source community). Один из парадоксов высокотехнологичного капитализма заключается также в том, что коды с открытым ключом защищают персональные данные надежнее, нежели система *big door* [12]. Таким образом, на протяжении XX века мы наблюдаем трансформации «хищнического капитализма» в стиль жизни, при котором нормативными становятся социальная ответственность крупных корпораций, технологии софта с открытым исходным кодом, высокие этические и экологические стандарты. В частности, показательна позиция компании Tesla, которая открыла конкурентам доступ к своим патентам, справедливо полагая, что этот шаг не только служит общему благу, но и способствует инновациям [4].

Таким образом, под методологическим «зонтиком» трансдисциплинарного подхода к модели Дж. Паджета и В. Пауэлла нами добавлена еще и модель М. Манна, что делает представление о современной социокультурной реальности и ее динамике более дифференцированным и сложным. Модель М. Манна показывает, что в современном мире существуют как минимум четыре источника власти, балансирующие в современной системе, — политическая, экономическая, идеологическая, военная. В свою очередь, это означает, что власть становится распределенной, рассредоточенной, и поэтому линейные схемы интерпретации не дают ни полноты, ни точности знания. Вместо анализа общества (сообществ), культуры (субкультур) или государства как источника власти необходимо рассматривать сети и конфигурации разнообразных отношений в социокультурном пространстве. Латентные же изменения зарождаются в узелках и на пересечении этих сетей. Движение «зеленых», феминизм и иные «новые социальные движения» в рамках политики идентичности зародились в их «щелях» и «зазорах» [11].

Именно так появляются в наши дни новые социальные движения: феминистские, экологические, постколониальные, антиэлитные, а также еще не нашедшие обозначения, но представляющие изживание коллективных культурных травм¹.

Рождение новизны в области новых идентичностей и субкультур

Итак, перенесем внимание на те зазоры, лакуны и разломы, где возможно наблюдать рождение новизны именно в плане динамики субкультур и развития идентичности. Латентные изменения российского социокультурного пространства происходят в качестве феноменов постсоветского, постколониального, постфеминистского, а также региональных и экологических движений (о последних см., например: [14]). Детальный анализ каждого из названных движений нуждается в отдельной статье, здесь же ограничимся эскизами.

¹ В этой связи показательно наблюдение историка и антрополога С. А. Ушакина: «...была... устойчивая нормативная модель травмы, с определенными стадиями ее проживания — вначале отрицание травмы, затем гнев и потом постепенный уход от этой травмы, то есть переход в посттравматическое состояние, когда понимаешь, что надо учиться жить с травмой, не проживая ее всякий раз заново, а „архивируя“, помещая в рамки, которые позволяют начать жизнь, не связанную с травмой. Так вот, с этой моделью... возникли проблемы. То, что я „собрал“ в поле, показывало... совсем другую динамику. Желания уйти от травмы я не видел... Посттравматического состояния в буквальном смысле — то есть как жизни после травмы — не было. Была настойчивая потребность сделать утрату, травматический опыт, основой своей повседневной жизни» [13, с. 14].

Несколько нижеследующих примеров касаются наблюдения зарождающихся и неочевидных феноменов. Это то, что труднее всего зафиксировать современникам, — рождение в текущей повседневности новых норм, жизненных стилей и практик.

Первый пример отсылает к анализу шорт-листов происходящих в наши дни литературных и творческих конкурсов, где вдумчивый наблюдатель способен выявить рождение нового или модернизацию старого тренда. Впервые на феномен обратила внимание И. Д. Прохорова, обнаружив интенсивное развитие современной российской культуры в сфере поэтического и литературного творчества. Она же отметила волну произведений, демонстрирующих поколенческий разрыв, изживание постсоветской травмы, а также возникновение постколониальной проблематики в работах молодых прозаиков. Шорт-лист 2018 года «интересен тем, что в него вошел целый ряд книг, относящихся к набирающему оборот тренду, который можно было бы назвать постколониальной литературой. Которой вообще-то у нас почти никогда не существовало. Это разговор о судьбах людей, например, в пространстве бывшего Советского Союза: это может происходить в Казахстане, в Туркменистане и т. д. То есть жизнь людей не в центре» [15].

Таким образом, анализ течений современной российской словесности обнаруживает смену социокультурной повестки, а также смещение сферы производства смыслов *от центра к периферии*². Целый ряд появившихся в течение одного года книг обозначил проблематику поколенческого, постсоветского и постколониального существования человека. Одновременно понимание этих процессов не как линейных и отдельных, а как сетевых, дисперсных и взаимосвязанных фиксирует контуры новой культуральной эпохи.

Второй пример относится к парадоксу феминистских движений. Несмотря на тот факт, что социологические опросы регулярно показывают отторжение идей феминизма на риторическом уровне (то есть там, где звучит именно этот термин), в повседневных жизненных практиках и на латентном ценностном уровне наши граждане вполне разделяют феминистские ценности (как герой Мольера, не подозревавший, что говорит прозой).

Таким образом, имеет место парадокс: *феминизм отторгается значительной частью общества, но латентные феминистские ценности поддерживает изрядное число людей*. Опять же латентные трансформации ценностей мы можем обнаружить посредством анализа рынка литературы. Так, В. Ермакова, обсуждая феномен тиражей А. Марининой и Д. Донцовой, пришла к выводу, что в основе их успеха лежит востребованность феминистских ценностей — нового образа женственности, который соответствует современному постиндустриальному обществу. «... Каменскую практически сразу окрестили „главной феминисткой российской литературы“... хотя сама сыщица ни разу слово на букву „ф“ не произносит и за права жен-

² Американский историк, теоретик эволюции цивилизаций К. Квигли сформулировал в 1966 г. исторический закон, объясняющий успехи периферии по отношению к ядру цивилизации: «Распространение материальной культуры из центра цивилизации в ее периферийные области и далее, к народам с совершенно другим общественным строем, приносит странные результаты. Когда элементы материальной культуры передаются от центра к окраинам внутри одной и той же цивилизации, они имеют тенденцию усиливать периферию по отношению к центру, поскольку центр ограничен в использовании результатов таких изобретений старой правовой системой, отсутствующей на периферии» [11, с. 78].

щин не борется... В феминистки [она] попала из-за представляемой ею ролевой модели, которая коренным образом отличается от всех ранее встречавшихся в русской литературе» [16]. Обратим также внимание на только что вышедшую книгу, где зарождение феминизма исследуется именно в качестве субкультуры [17], и на работу И. Юкиной «Русский феминизм как вызов современности» [18].

Проблема языков описания транзитивных феноменов

Еще одним следствием применения методологии латентных изменений становится привычка к рефлексии культурально обусловленных когнитивных искажений и типичных ошибок комментаторов текущих событий. Зачастую, чтобы обнаружить нечто новое, необходимо преодолеть ригидность сложившегося взгляда. Поэтому, обнаружив на исторической сцене или в предпочитаемом поле внимания выраженный и устойчивый тренд, полезно сразу же озадачиться наблюдением за периферийными (косвенными, незаметными) течениями и антитрендами.

Например, когда в современной российской реальности речь заходит о консерватизме, архаике и варварстве [19], важно осознавать, что в это же время, но дисперсно и периферийно, растут инновации. При этом латентные инновационные сообщества зачастую не опознаются и не попадают в зону действия термина «субкультура».

Наряду с понятиями, не ухватывающими сложности и транзитивности современной реальности, постепенно уходят и привычные аналитические схемы категоризации. Так, в работе болгарского политолога И. Крастева показаны изменения ведущих антиномий: на смену левым и правым, либералам и консерваторам, старине и новизне приходят нативисты и глобалисты, простота и сложность мировосприятия [20]. Рецензируя названную книгу, Д. Я. Травин отмечает текущую поляризацию общества на людей с планетарной идентичностью, которые обладают широкими горизонтами сознания, воспринимают мир в его целостности и взаимосвязях, и людей, видящих мир «узко, из своей страны, своей деревни», не готовых встать на иную точку зрения, понять сложное устройства общества, снабжающее их современными благами. «Одни стараются открыть мир, другие — его закрыть. Одни ломают стены и строят современную экономику, другие возводят стены, стараясь как можно дольше уберечь от конкуренции старые заводы и старые рабочие места» [21].

Сходными наблюдениями на рубеже веков делились писатели и философы. Так, У. Эко писал: «Наши общества в скором времени расщепятся... на два класса: те, кто смотрит только ТВ, то есть получает готовые образы и готовые суждения о мире, без права критического отбора получаемой информации, и те, кто смотрит на экран компьютера, кто способен отбирать и обрабатывать информацию. Тем самым восстановится разделение культур, существовавшее во времена Клода Фролло: между теми, кто был способен читать рукописи и, значит, критически осмысливать религиозные, научные или философские вопросы, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе, отобранных и обработанных их творцами — олитературенным меньшинством» [22]. Ж. Лиотар обсуждал современные тенденции усложнения (complexification) как «разделение человечества на две части: одна принимает этот вызов сложности, другая — тот древний и грозный

вызов, что связан с выживанием рода человеческого» [23, с. 64]. В исследованиях Р. Инглхарта эта культуральная дифференциация происходит по оси ценностей саморазвития и выживания [24].

Таким образом, *в текущих трансформациях современности групповые идентичности в качестве конструктов не вмещают индивидуальное творчество стилей жизни, а субкультуры не только смешиваются, но и превращаются в зыбкие и неустойчивые социокультурные течения.* Изучение же этих процессов требует изменения способов видения и дискурсов, методологии и терминологии. Так, например, в ходе глобализации формируются разные градации сложности и уровни мобильности, где в пределах одного и того же общества академические элиты транснациональны, а мигранты — двунациональны [11].

Сегодня мы застаем мир в процессе и локального, и глобального становления новых норм — это своего рода новое осевое время, где *всё не то, чем кажется.* Поэтому поверхностные наблюдения и первыми приходящие на ум интерпретации необходимо расшифровывать посредством усилий обновления взгляда. Отчасти этими процессами обусловлена востребованность философии стоицизма: с одной стороны, как новой стратегии работы с рациональностью и исследовательскими оптиками, с другой — как искусства жить в транзитивном, сложном и разнообразном мире.

Ренессанс идей стоицизма и скандинавизация поведения

Весьма значимый тренд, наблюдаемый в ракурсе изменения социальных норм и глобальных трансформаций, — скандинавизация поведения, переход от демонстративного и престижного потребления к этическому и экологическому. «В современном обществе можно жить достойной жизнью — как политической, так и культурной, — имея более скромные материальные условия и более разумное потребление, чем это имеет место сегодня» [25, с. 157].

Демонстративное (престижное) потребление являлось наследием викторианской (буржуазной) эпохи. В наши дни оно вытесняется такими ценностями глобализированных субкультур, как забота об экологии, скромность и аскетизм в быту. Так называемая *скандинавизация поведения* проявляется в космополитизме и значимости социальной справедливости, готовности молодых людей меньше зарабатывать, но иметь досуг и много путешествовать; арендовать, а не владеть имуществом; в озабоченности экологическим и этическим потреблением (приобретаемые товары не должны быть произведены с ущербом для природы или использованием рабского труда); в равнодушии к брендам и т. п. [26]. Этика стоицизма также поддерживает ценности добросовестного труда и разумного потребления, представления об общественном благе и важности самоограничения в разных сферах реальности. Важно отметить, что стоицизм как мировоззрение объединяет религиозных людей и атеистов, находит баланс между социализацией и индивидуализацией (путь к себе лежит через взаимодействие с другими людьми), культурой и природой, следованием долгу и стремлением к счастью. «В стоицизме не имеет значения, в кого верить, — в Логос, Бога или Природу. Главное — признавать, что достойная человеческая жизнь строится на культивировании собственной личности и заботе о других людях (и о Природе), а это достигается путем разумного — но не фанатичного — отказа от мирских благ» [27, с. 18].

Скромность и аскетизм в быту в современной российской культуре практически незаметны, тем не менее это ценности завтрашнего дня — если не всего нового поколения, то его авангардной субкультуры. В этой связи особый интерес представляют такие феномены, как северная модернизация, скандинавская современность. Здесь показательны исследование Г. Скирбека «Норвежский менталитет и модерность» [25], а также ренессанс философии стоицизма в качестве мирового тренда [27; 28].

Заключение

В свете методологии латентных изменений мы можем уже с уверенностью повторить некогда провокационное заявление Б. Латура³: общества не существует — есть сообщества, отношения и взаимодействия. В нашем же случае скажем: не существует культуры — есть субкультуры, точнее, различные культуральные течения и их переплетения создают тот ковер, который мы называем современной культурой.

Представление о субкультурах возникло, когда социокультурная реальность предстала как проблема транзитивности, сложности и разнообразия; когда потребовалась дифференциация разнообразных стилей жизни и нормативность разных ценностей внутри одного общества. Однако в текущих трансформациях современности групповые идентичности в качестве конструктов не вмещают индивидуальное творчество стилей жизни, а субкультуры не только смешиваются, но и превращаются в зыбкие и неустойчивые социокультурные течения. Изучение этих процессов вынуждает изменять привычные способы видения и дискурсы, обновлять терминологию и методологию.

В свете методологии латентных изменений формируется новый взгляд на субкультуру. Обозначим его как феномен рассеянных, дисперсных субкультур. Это зыбкие и неорганизованные, нередко виртуальные сообщества, которые разделяют общие ценности, но не имеют структуры и организации. Так, например, в современной России присутствуют люди с правовой рациональностью, демократическими ценностями, экологической озабоченностью, практиками этичного потребления, но они не организованы в сообщества, а поэтому их не видно и не слышно (зачастую это необходимо для их саморазвития, ибо малые культуральные течения, являющиеся инновационными и перспективными в плане грядущего, нуждаются в хронотопе незаметности). Итак, современные субкультуры бывают рассеяны, потому не видны, не очевидны. Изменившиеся в наши дни формы субкультур делают их с трудом опознаваемыми.

Критика же субкультур как аналитического конструкта может быть сведена к нескольким позициям: смешанность социальных групп, открытость и лабильность границ сообщества; индивидуализация (схематизм типологий, игнорирующий различия); избыточность и взаимозаменяемость понятий (дублирующие термины); фокусировка на динамических, а не на типологических аспектах; кон-

³ «Диффузия терминов, сеть и текучая среда демонстрируют рост сомнений по поводу идеи всеобъемлющего общества. В определенном смысле век спустя мы становимся свидетелями реванша Габриэля Тарда над Эмилем Дюркгеймом: общество ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено» [29, с. 350].

текстуальность (включенность в среду), множественность (разнообразие) и изменчивость (невидимые перемены).

Что же в свете методологии латентных изменений предстоит наблюдать? В зоре между универсальностью и своеобразием — разнообразие стилей жизни и поведенческих стратегий; между мейнстримом и маргинальностью — периферийные инновации, региональные идентичности; между трендами и антитрендами — зарождение латентных социокультурных и интеллектуальных движений.

Литература

1. *Riesman D., Glazer N., Denney R.* The lonely crowd: a study of the changing American character. London: Yale University Press, 2001. 315 p. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2016/SOC757/um/61816962/Riesman_Lonely-Crowd.pdf (дата обращения: 24.04.2019).
2. *Hebdige D.* Subculture: The meaning of style. London; New York: Routledge, 1981. 195 p. URL: <http://www.erikclabaugh.com/wp-content/uploads/2014/08/181899847-Subculture.pdf> (дата обращения: 02.06.2019).
3. *Гусельцева М. С.* Трансдисциплинарный подход в современной психологии // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 3–12.
4. *Бхаргава Р.* Не очевидно: Как выявлять тренды раньше других. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 282 с.
5. *Гусельцева М. С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019. 375 с.
6. *Вахштайн В. С.* Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 275–281.
7. *Жолковский А. К.* Мемуарные виньетки и другие non-fictions. Н. Новгород: URBI, 2000. 244 с.
8. *Padgett J. F., Powell W. W.* The Problem of Emergence // The Emergence of Organizations and Markets. Princeton, New York: Princeton University Press, 2012. Chapter 1 [PDF]. URL: <http://assets.press.princeton.edu/chapters/s9909.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).
9. *Padgett J. F.* History, Evolution, and Social Networks. Do actors make relations or do relations make actors? 2014. URL: <https://www.ias.edu/ideas/2014/padgett-evolution> (дата обращения: 20.04.2019).
10. *Парфенов Л. Г.* Почему Россия не Финляндия? // Экодело. 2011. 12 апреля. URL: https://ecodelo.org/4901-rochemu_rossiya_ne_finlyandiya-obshchestvo (дата обращения: 12.04.2019).
11. *Манн М.* Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 208 с.
12. *Singh S.* The Code Book: The Science of Secrecy from Ancient Egypt to Quantum Cryptography. New York: Fourth Estate, Doubleday, 1999. 416 p.
13. *Ушакин С. А.* Все в моей академической жизни довольно случайно // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 453–471. URL: https://istorex.ru/page/ushakin_sa_vse_v_moej_akademicheskoy_zhizni_dovolno_sluchayno (дата обращения: 02.06.2019).
14. *Перцев А.* Радикализация и символизм: облик нового российского протеста // Московский центр Карнеги. 21.05.2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79155> (дата обращения: 02.06.2019).
15. *Прохорова И. Д.* «Мы концептуализируем время». О Владимире Сорокине и литературной премии «НОС» // Настоящее время. 2018. № 3. URL: <https://www.currenttime.tv/a/29035614.html> (дата обращения: 20.02.2019).
16. *Ермакова В.* Как Маринина и Донцова начали в России феминизм // Домашний очаг. 2019. URL: <https://www.goodhouse.ru/obshchestvo/mnenie/v-zashchitu-marininoy-i-doncovoy-ili-zachem-nam-chitat-damskie-detektivy> (дата обращения: 20.03.2019).
17. *Шнырова О.* Суфражизм в истории и культуре Великобритании. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 424 с.
18. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 539 с.
19. *Асмолов А. Г.* Идентификация варвара // Независимая газета. 2016. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/10_6843_varvar.html (дата обращения: 03.06.2019).
20. *Крастев И.* После Европы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 144 с.
21. *Травин Д. Я.* Европа: эффект «нашествия» // Economy Times. 2019. URL: <http://economytimes.ru/gumanitarnyy-kontekst/evropa-effekt-nashestiya> (дата обращения: 03.06.2019).

22. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. Лекция, прочитанная в МГУ 20 мая 1998 г. URL: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (дата обращения: 03.06.2019).
23. Лиотар Ж. Заметка о смысле «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 54–66.
24. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
25. Скирбекк Г. Норвежский менталитет и модерность. М.: РОССПЭН, 2017. 198 с.
26. Шульман Е. М. Потребление сменяется с обладания объектом на получение впечатлений // Kalinka. 2019. № 8 (март — июнь). С. 150–159.
27. Пильюччи М. Как быть стойким. Античная философия и современная жизнь. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 430 с.
28. Irvine W. B. A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy. Oxford University Press, 2008. 314 p.
29. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вахштайн В. (Ред.). Социология вещей: сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–364.

Статья поступила в редакцию 6 июня 2019 г.;
рекомендована в печать 17 июня 2019 г.

Контактная информация:

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; mguseltseva@mail.ru

Cultural and psychological transformations of modernity in light of the methodology of latent changes: subcultures*

M. S. Guseltseva

Russian Academy of Education Psychological Institute,
bld. 9, 4, ul. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. Cultural and psychological transformations of modernity in light of the methodology of latent changes: subcultures. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2019, vol. 9, issue 3, pp. 229–242. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.301> (In Russian)

The idea of subcultures arose in connection with the understanding of the heterogeneity of society and the need to differentiate lifestyles within a certain culture. Thus, it reflected the tendency of complication, individualization, and diversity of human life. During the twentieth century researchers' focus of attention shifted from cultural theories to subcultures; from the phenomenology of subcultures to the study of informal movements, “urban tribes”, small cultural traditions and finally — to the transformation of values. Today the analysis of mobility and the multiplicity of identities which are developing in a fluid and transitive sociocultural environment are at the forefront of study. All this required a different conceptual language and the search for new methodological strategies. The concept of “subculture” is often criticized both as an analytical construct and as a fading reality due to the expansion of globalization, mixing of traditions, values and different lifestyles; and the study of identity is increasingly taking place in the framework of transdisciplinary and polyparadigmatic approaches. A new look at the transformations of modernity develops a methodology of latent changes that fo-

* The article was prepared on the basis of a report at the international conference “The Psychology of Subculture: Phenomenology and Modern Development Trends” on April 22–23, 2019. The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project 17-06-00077-OGN/18 “The problem of linguistic identity in a multicultural space”.

cuses on the lability, inconsistency and ambiguity of identity and subculture. The forms and ways of organizing subcultures today are changing. Subcultures can be represented in the social space by small patches, dispersed, virtual and therefore not visible, not obvious, difficult to recognize. These transformations are referred to as the phenomena of transitive and dispersed subcultures.

Keywords: methodology, modern psychology, subculture, identity, socio-cultural movements, latent changes, transdisciplinarity.

References

1. Riesman D., Glazer N., Denney R. *The lonely crowd: a study of the changing American character*. London, Yale University Press, 2001. 315 p. Available at: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2016/SOC757/um/61816962/Riesman_Lonely-Crowd.pdf (accessed: 24.04.2019).
2. Hebdige D. *Subculture: The meaning of style*. London, New York, Routledge, 1981. 195 p. Available at: <http://www.erikclabaugh.com/wp-content/uploads/2014/08/181899847-Subculture.pdf> (accessed: 02.06.2019).
3. Guseľ'tseva M. S. Transdisciplinary approach in modern psychology. *Voprosy psikhologii*, 2018, no. 5, pp. 3–12. (In Russian)
4. Bkhargava R. *Non-Obvious: How to Think Different, Curate Ideas & Predict the Future*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2016. 282 p. (In Russian)
5. Guseľ'tseva M. S. *Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes*. Moscow, Akropol' Publ., 2019. 375 p. (In Russian)
6. Vakhshtain V. S. Five books on postcritical sociology. *Sotsiologiya vlasti*, 2012, no. 6–7, pp. 275–281. (In Russian)
7. Zholkovskii A. K. *Memoir vignettes and other non-fictions*. Nizhni Novgorod, URBI Publ., 2000. 244 p. (In Russian)
8. Padgett J. F., Powell W. W. The Problem of Emergence. *The Emergence of Organizations and Markets*. Princeton, New York, Princeton University Press, 2012. Available at: <http://assets.press.princeton.edu/chapters/s9909.pdf> (accessed: 06.04.2019).
9. Padgett J. F. History, Evolution, and Social Networks. Do actors make relations or do relations make actors? 2014. Available at: <https://www.ias.edu/ideas/2014/padgett-evolution> (accessed: 20.04.2019).
10. Parfenov L. G. Why Russia is not Finland? *Ekodelo*, 2011. Available at: https://ecodelo.org/4901-pochemu_rossiya_ne_finlyandiya-obshchestvo (accessed: 12.04.2019). (In Russian)
11. Mann M. *Power in the 21st century: conversations with John A. Hall*. Moscow, Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 208 p. (In Russian)
12. Singh S. *The Code Book: The Science of Secrecy from Ancient Egypt to Quantum Cryptography*, New York, Fourth Estate, Doubleday, 1999. 416 p.
13. Ushakin S. A. "Everything in my academic life is quite random". *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, no. 4 (17), pp. 453–471. Available at: https://istorex.ru/page/ushakin_sa_vse_v_moe_akademicheskoy_zhizni_dovolno_sluchayno (accessed: 02.06.2019). (In Russian)
14. Pertsev A. Symbolism and Radicalization: The New Russian Protest. *Moskovskii tsentr Karnegi*. 21.05.2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/79155> (accessed: 02.06.2019). (In Russian)
15. Prokhorova I. D. "We conceptualize time". About Vladimir Sorokin and the literary award "NOS". *Nastoyashchee vremya*, 2018, no. 3. Available at: <https://www.currenttime.tv/a/29035614.html> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)
16. Ermakova V. How Marinina and Dontsova started feminism in Russia. *Domashnii ochag*, 2019. Available at: <https://www.goodhouse.ru/obshchestvo/mnenie/v-zashchitu-marininoy-i-doncovoy-ili-zachem-nam-chitat-damskie-detektivy> (accessed: 20.03.2019). (In Russian)
17. Shnyrova O. *Sufrazhizm in the history and culture of Great Britain*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2019. 424 p. (In Russian)
18. Yukina I. I. *Russian feminism as a challenge of our time*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 539 p. (In Russian)
19. Asmolov A. G. Identification of the barbarian. *Nezavisimaya gazeta*. 2016. Available at: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/10_6843_varvar.html (accessed: 03.06.2019). (In Russian)
20. Krastev I. *After Europe*. Moscow, Izdatel'skii dom «Delo» RANEPА Publ., 2018. 144 p. (In Russian)

21. Travin D. Ya. Europe: the effect of “invasion”. *Economy Times*, 2019. Available at: <http://economy-times.ru/gumanitarnyy-kontekst/evropa-effekt-nashestviya> (accessed: 03.06.2019). (In Russian)
22. Eko U. From the Internet to Gutenberg: text and hypertext. Lecture, read at Moscow State University on May 20, 1998. Available at: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst/> (accessed: 03.06.2019). (In Russian)
23. Liotar Zh. Note on the meaning of “post”. *Inostrannaya literature Publ.*, 1994, no. 1, pp. 54–66. (In Russian)
24. Ingkharth R. *Cultural Evolution: How People’s Motivations are Changing and How this is Changing the World*. Moscow, Mysl’ Publ., 2018. 347 p. (In Russian)
25. Skirbekk G. *Norwegian mentality and modernity*. Ed. Rus. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. 198 p. (In Russian)
26. Shul’man E. M. A consumption changes from owning an object to receiving impressions. *Kalinka*. 2019, no. 8, pp. 150–159. (In Russian)
27. Pil’yuchchi M. *How to Be a Stoic: Using Ancient Philosophy to Live*. Ed. Rus. Moscow, Al’pina non-fikshn Publ., 2017. 430 p. (In Russian)
28. Irvine W.B. *A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy*. USA, Oxford University Press, 2008. 314 p.
29. Latour B. When things strike back: a possible contribution of ‘science studies’ to the social sciences. In: Vakhshain V. (ed.). *Sotsiologiya veshchei*. Sbornik statei. Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006, pp. 342–364. (In Russian)

Received: June 06, 2019

Accepted: June 17, 2019

Author’s information:

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; mguseltseva@mail.ru